

Русская литература

1

2016

Санкт-Петербург
«НАУКА»

Русская литература

№ 1

Историко-литературный журнал

2016

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Т. Г. Иванова. Песня «Осада Соловецкого монастыря» и исторические песни XVII века (к вопросу об образе царя Алексея Михайловича)	5
В. Е. Багно, Т. В. Мисникевич. Уроки французского (неизвестные переводы Федора Сологуба и становление русского декадентства)	23

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

С. М. Шумило. Молитвенные тексты в агиографии «плетения словес»: к проблеме стиля эпохи	42
С. А. Фомичев. Повесть «Шинель» в контексте творчества Н. В. Гоголя	57
Н. А. Тарасова. Концепция героя в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: христианский аспект образа Раскольникова	64
О. Л. Фетисенко. Из босфорского table-talk 1874 года: М. А. Хитрово и его неизданная эпиграмма на прозелита трансцендентальной философии	80
С. А. Кибальник. Ранний А. П. Чехов «за» и «против» Ф. М. Достоевского (от «Драмы на охоте» к «Иванову»)	90
Л. Г. Панова. Запоздалая попытка петраркизма: «Канцоньере» в русском модернизме. Статья 2	99
В. Б. Зусева-Озкан. Дева-воительница в литературе русского модернизма. Брадаманта у Л. Ариосто и Браманта у М. Кузмина	124
К. Ю. Лаппо-Данилевский. О третьем издании стихов Алкея и Сафо в переводе Вяч. Иванова	134
Приложение. Вячеслав Иванов. (Неизвестные переводы из «Алкея и Сафо»)	157
Е. А. Голлербах. Федор Сологуб и «Отечество» З. И. Гржебина	159
Ким Джун Сок (Республика Корея). Культурные парадигмы в поэтике М. М. Зощенко	176
П. Ф. Успенский. «Россия счастье. Россия свет...» Г. В. Иванова и наследие Ф. М. Достоевского	181
М. Ю. Михеев. Дело о «плагиате»: пьеса Александра Гладкова о кавалерист-девице	189

Н. А. Богомолов. Свидетельские показания (вечер Бориса Пастернака в Политехническом музее глазами современника)	213
М. Э. Маликова. Защита Филда, или Запоздалая рецензия на первую биографию Набокова	220

ЗАМЕТКИ

С. Н. Гуськов. Ультрамарин (об одном ошибочном прочтении автографа)	239
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

О. Е. Осовский. «Свободная стихия» пушкинских смыслов	241
А. Ю. Соловьев, В. В. Филичева. Современники об акмеизме	242
Р. Ю. Данилевский. Новая книга о «русском Берлине»	245

ХРОНИКА

Е. И. Колесникова. Международная научная конференция «Запечатленная победа: ключевые образы, концепты, идеологемы»	247
А. С. Силина. Международная научная конференция «Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII — начала XIX века»	255
Н. П. Генералова, В. А. Лукина. Международная научная конференция, посвященная 195-летию со дня рождения А. А. Фета	259

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

*Н. А. БОГОМОЛОВ, С. Г. БОЧАРОВ, М. ГАРДЗАНТИ, С. ГАРДЗОНИО,
Ж. Ф. ЖАККАР, А. А. ЗАЛИЗНЯК, Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
ДЖ. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, ДЖ. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК,
В. ШМИД, Т. В. ЦИВЬЯН*

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, А. М. ГРАЧЕВА,
И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Н. Н. КАЗАНСКИЙ,
А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ,
М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ,
Т. С. ЦАРЬКОВА*

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

RUSSKAYA LITERATURA

№ 1

Historical and Literary Studies

2016

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

	Page
T. G. Ivanova. <i>Siege of Solovetsky Monastery</i> Song and the Historic Songs of the 17 th Century (Treatment of the Image of Tsar Alexey Mikhailovich)	5
V. E. Bagno, T. V. Misnikevich. French Lessons (Unknown Translations by Fyodor Sologub and the Emergence of the Russian Decadence)	23

RELEASES AND REPORTS

S. M. Shumilo. Prayer Texts in the Hagiographic «Weaving of the Words»: Towards the Problem of the Style of the Period	42
S. A. Fomichev. <i>The Overcoat</i> Within the Context of Gogol's Literary Career	57
N. A. Tarasova. The Concept of a Protagonist in F. M. Dostoyevsky's <i>Crime and Punishment</i> : the Christian Aspect of Raskolnikov	64
O. L. Fetisenko. Bosphorus Table Talk, 1874: M. A. Khitrovo and His Unpublished Epigram on the Proselyte of Transcendental Philosophy	80
S. A. Kibalnik. Young Chekhov, Pro and Contra F. M. Dostoyevsky (from <i>A Hunting Drama to Ivanov</i>)	90
L. G. Panova. A Belated Attempt of Petrarchism: <i>Canzoniere</i> in the Russian Modernism. Article 2	99
V. B. Zuseva-Ozkan. Female Knight in Russian Modernist Literature. L. Ariosto's Bradamante and M. Kuzmin's Bramanta	124
K. Y. Lappo-Danilevsky. On the Third Edition of Alcaeus and Sappho Poems in Vyach. Ivanov's Translations	134
Appendix. Vyacheslav Ivanov. Unknown Translations from <i>Alcaeus and Sappho</i>	157
Y. A. Gollerbah. Fyodor Sologub and Z. I. Grzhebin's <i>Homeland</i>	159
Kim Jong Sok (Korea). Cultural Paradigms in M. M. Zoshchenko's Poetics	176
P. F. Uspensky. <i>Russia is Happiness. Russia is Light...</i> G. V. Ivanova and the Legacy of F. M. Dostoyevsky	181
M. Y. Miheev. The Case of «Plagiarism»: Alexander Gladkov's Drama on Cavalry Maiden	189

N. A. Bogomolov. Oral Evidence (A Boris Pasternak's Reading at the Polytechnic Museum Through the Eyes of a Witness)	213
M. E. Malikova. Field's Defense, or a Belated Review of the First Biography of Nabokov	220

NOTES

S. N. Guskov. Ultramarine (On an Erroneous Interpretation of an Autograph)	239
---	-----

REVIEWS

O. E. Osovsky. The «Welter» of Pushkin's Meanings	241
A. Y. Solovyev, V. V. Filicheva. Contemporaries on Akmeism	242
R. Y. Danilevsky. A New Book on «Russian Berlin»	245

NEWSREEL

E. I. Kolesnikova. <i>Encaptured Victory: Key Images, Concepts, Ideologemes</i> International Research Conference	247
A. S. Silina. <i>Neo Latin Humanistic Tradition and Russian Literature of the Late 17th — Early 19th Century</i> International Research Conference	255
N. P. Generalova, V. A. Lukina. International Research Conference Dedicated to A. A. Fet's 195th Anniversary	259

Published under the Auspices of History and Philology Department
Russian Academy of Sciences

Editorial Council:

*S. G. BOCHAROV, N. A. BOGOMOLOV, M. GARZANITI, S. GARZONIO,
Vyach. Vs. IVANOV, J. F. JACCARD, J. MALMSTAD, G. NIVAT,
V. SCHMIDT, G. SMITH, R. D. TIMENCHIK, T. V. TSIVIAN,
WENFEI LIU, A. A. ZALIZNIAK*

Editor-in-Chief *V. E. BAGNO*

Editorial Board:

I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), *A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY,
A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA, S. I. NIKOLAEV,
M. V. OTRADIN, A. A. PANCHENKO, N. N. SKATOV, A. L. TOPORKOV,
T. S. TSARKOVA, M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN*

*Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034
Phone/fax (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru*

творчество Блока Зоценко отождествлял именно с музыкой Шопена: в статье «Трагический рыцарь» он сопоставлял ритм блоковского стиха с музыкальными произведениями Шопена.¹⁸ Добавим к этому, что Шопен был любимым композитором Зоценко, и в автобиографической повести «Перед восходом солнца» музыка Шопена становится одним из важных исходных внешних толчков, помогающих рассказчику преодолеть свою болезнь. Это еще одно свидетельство существования «родственной связи» между Зоценко и Блоком и непреодоленной двойственности в отношении Зоценко к великому поэту.

Второй попыткой измениться и «идти в ногу со временем» стала «Голубая книга» (1935), представляющая собой историю человеческих отношений. «Голубая книга» состоит из пяти разделов, посвященных разным темам. Разделы делятся на четыре части: предисловие, исторические анекдоты и их авторские комментарии, переработанные писателем рассказы 1920-х годов и послесловие. По замыслу писателя, историческая дорога ведет людей к «светлому будущему»: раньше было плохо, сейчас лучше, а в будущем будет еще лучше. Однако при внимательном взгляде на героев самых разных исторических анекдотов становится ясно, что «исторические персонажи» вовсе не являются таковыми, они думают и разговаривают как герои рассказов Зоценко 1920-х годов. Погружение в уже ушедшую речевую атмосферу вызывает у читателя ощущение совмещения времен, размывания границ прошлого и настоящего, между которыми, как обнаруживается, нет сущностной, принципиальной разницы.¹⁹

В «Голубой книге» Зоценко не пытается воссоздать другие исторические эпохи или построить некий культурно-исторический монумент по примеру А. Толстого и некоторых других писателей «культуры два». Через призму истории Зоценко подвергает сатире современную ему жизнь. Таким образом, он был и остается писателем «культуры один». Вероятно, поэтому его отторгла сталинская эпоха.

¹⁸ См.: Зоценко М. Трагический рыцарь // Орлов В. Н. «Здравствуйте, Александр Блок». Л., 1984. С. 170—179.

¹⁹ См. об этом подробнее: Ким Д. С. Творческая личность писателя в эпистолярном наследии. СПб., С. 134—141.

© П. Ф. Успенский

«РОССИЯ СЧАСТИЕ. РОССИЯ СВЕТ...» Г. В. ИВАНОВА И НАСЛЕДИЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Стихотворение Г. Иванова «Россия счастье. Россия свет...» (далее — *РСРС*) впервые было опубликовано в «Современных записках» (1931. № 47) и впоследствии вошло в книгу «Отплытие на остров Цитеру» (1937). Как и другие стихи автора, справедливо названного В. Ф. Марковым «цитатным поэтом»,¹ интересующий нас текст прочно укоренен в литературной традиции:

Россия счастье. Россия свет.
А, может быть, России вовсе нет.

¹ Марков В. Ф. Русские цитатные поэты: заметки о поэзии П. А. Вяземского и Георгия Иванова // Марков В. Ф. О свободе в поэзии: Статьи, эссе, разное. СПб., 1994. С. 214—232. См. также важные соображения об интертекстуальности у Иванова в статье: Богомолов Н. А. Георгий Иванов и Владислав Ходасевич // Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 376—391.

И над Невою закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал,

И нет ни Петербурга, ни Кремля —
Одни снега, снега, поля, поля...

Снега, снега, снега... А ночь долга,
И не растают никогда снега.

Снега, снега, снега... А ночь темна,
И никогда не кончится она.

Россия тишина. Россия прах.
А, может быть, Россия — только страх.

Веревка, пуля, ледяная тьма
И музыка, сводящая с ума.

Веревка, пуля, каторжный рассвет
Над тем, чему названья в мире нет.²

Комментаторы Иванова связывали стихотворение, прежде всего, с творчеством А. А. Блока. Так, Г. И. Мосешвили предложил³ в строке «А, может быть, Россия вовсе нет» услышать отзвук первой фразы статьи Блока «Интеллигенция и революция» (1918): «„Россия гибнет“, „России больше нет“, „вечная память России“ — слышу я вокруг себя».⁴ В свою очередь, строку «И музыка, сводящая с ума...» в комментариях предлагается сравнить с призывом Блока из той же статьи «слушать ту великую музыку будущего, звуками которой наполнен воздух».⁵

В новом издании стихов поэта А. Ю. Арьев уточняет наблюдения Мосешвили и предлагает целый ряд других контекстов, актуальных для понимания стихотворения. Позволим себе привести исследовательский комментарий, который содержит значительную долю интерпретации текста: «Связь с Блоком тут есть. С той оговоркой, что стихи Г. И. развиваются как опровержение тезиса Блока, высказанного тут же: „Но — передо мной Россия“. Г. И. выступает от имени тех, чьи голоса Блок слышал „вокруг себя“. Подтверждение этому — согласная с Некрасовской „Тишиной“ строчка „Россия тишина“, прямая контроверза блоковскому: „Россия — буря“. Точно так же известный призыв Блока слушать „музыку революции“, „новую музыку“, как говорится в статье, откликается отрицательной ее характеристикой у Г. И.: да, это „музыка“, но „музыка, сводящая с ума“. Помянутую Блоком так же „веревку“ в „нервной дворянской руке“ Столыпина поэт превращает в „веревку“ просто, в символ безличного улучшения в руках безличных противников премьер-министра. Соотнесенность с восприятием России Блоком в ст(ихотворе)нии Г. И. все же есть — и прямая. Г. И. относится к ней из парижского далека как к „лирической величине“. Так Блок писал матери из Милана 19 июня 1909 г.: „Россия для меня — все та же — лирическая величина. На самом деле — ее нет, не было и не будет“. *И не растают никогда снега* — реминисценция из „Посоха“ (1914) Мандельштама: „А снега на черных пашнях / Не растают никогда“. Соль, однако, в том, что сюжетное движение начинается у Г. И. ровно в ту минуту, в которую герою „Посоха“ оно представляется завершенным: „Мне, увидевшему Рим!“. Г. И. демонстрирует взгляд из Рима. *Россия прах* — в „Стихах к сыну“ (1932) Цветаева говорит о подобном утверждении как об общем месте

² Иванов Г. В. Стихотворения / Сост., вступ. статья и прим. А. Ю. Арьева. СПб., 2010. С. 269 (Новая библиотека поэта. Большая сер.).

³ Мосешвили Г. И. [Комментарии] // Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 610.

⁴ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М., Л., 1962. Т. 6. С. 9.

⁵ Там же. С. 19.

эмигрантской идеологии: „Нести в трясущихся горстях: / «Русь — это прах, чти — этот прах»”. Г. И. также сомневается в окончательности подобного приговора. Но образ оставленной России у него с очевидностью противоположен цветаевскому. У нее: „Россия моя, Россия / Зачем так ярко горюшь?” («Лучина», 1931) и известный всем куст рябины из „Тоска по родине!.. Давно...” (1934), у Г. И. — это всегда почти снега. *Веревка, пуля, ледяная тьма...* — здесь использованы образы Н. С. Тихонова из ст(ихотворе)ния „Огонь, веревка, пуля и топор...” (1921), с упомянутой только что характерной заменой „огня” на „лед”». ⁶

Указанные претексты требуют некоторого ранжирования. Стихотворение Тихонова, исполненное романтикой «настоящего» познания природного мира («И в каждой капле спал потоп, / Сквозь малый камень прорастали горы...»), в котором культурные условности теряют значение («Монеты вес утратили и звон, / И дети не пугались мертвецов») и который учит подлинному говорению о вещах («Тогда впервые выучились мы / Словам прекрасным, горьким и жестоким»⁷), с нашей точки зрения, не столь очевидно связано со смысловым развитием стихотворения Иванова. Думается, что если Иванов и заменил в первой строке стихотворения «Огонь, веревка, пуля и топор...» «огонь» на «лед», то сделал это скорее бессознательно. Добавим, что эту переключку между текстами можно трактовать если не как случайную, то скорее как лексико-стилистическую: Иванов вполне мог запомнить строки Тихонова, однако, создавая *PCPC*, запомнившуюся строку он использовал в тексте без сохранения семантической связи между стихотворениями.

По-видимому, нечто сходное происходит и в случае с «Посохом» Мандельштама. В самом деле, при лексической близости строки «И не растают никогда снега» со строками «А снега на черных пашнях / Не растают никогда», смысловой связи между текстами, с нашей точки зрения, не возникает. В идиолекте Иванова «таянье снегов» ассоциировалось с «Посохом», возможно также, что эта ассоциация учитывалась в тексте и считывалась некоторыми читателями, однако с нашей точки зрения, в данном случае реминисценция не несет смысловой функции, и ее роль сводится к обогащению коннотативного поля текста за счет литературных ассоциаций, возникающих при «угадывании» цитаты.

Для *PCPC*, как было отмечено комментаторами, важную роль играет творчество Блока. Полагаем, что это действительно так, но специфика диалога поэтов требует уточнения. С нашей точки зрения, стихотворение Иванова отсылает не только к текстам старшего поэта, но и к творчеству Ф. М. Достоевского. Для более точного понимания специфики интертекстуального плана *PCPC* сначала необходимо коротко рассмотреть смысловое развитие стихотворения.

PCPC начинается с полемики со мнением, отраженным в первой строке и связанным, очевидно, с ностальгической идеализацией России, характерной для эмигрантской литературы. Вторая строка — «А, может быть, России вовсе нет» — вводит тезис, который в дальнейшем тексте разворачивается и уточняется.

Со 2-го до 5-го двустихия отрицание существования России строится на четкой оппозиции «культура» vs. «природа», причем мнимым оказывается первый элемент, а реально существующим — второй. Действительно, в зону сомнения попадает *Петербург, Кремль, закат над Невой* и смерть *Пушкина* (Пушкин как «солнце русской поэзии» мотивирует попадание «заката над Невой» в культурное пространство), а в зону утверждения — *поля, снега*, которые никогда *не растают*, и темная бесконечная *ночь*. Занятно, что на структурном уровне указанные два ряда соответствуют концептам «счастье» и «свет», введенным первой строкой стихотворения. «Свет» полемически соотносится с миром «природы», а «счастье» — с мнимым миром «культуры».

⁶ Иванова Г. В. Стихотворения. С. 601—602.

⁷ Тихонов Н. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1981. С. 90—91 (Библиотека поэта. Большая сер.).

С 6-го двуступища характер базовой оппозиции меняется. «Природный» ряд становится более экспрессивным (*ледяная тьма*) и расширяется, в него добавляются психофизические компоненты (*страх*) и элементы обратной стороны человеческой цивилизации, втягивающиеся в орбиту семантики смерти или подавления (*веревка, пуля, каторжный рассвет*). Наконец, в этот ряд включается *музыка, сводящая с ума*.

Тема «культуры» к финалу стихотворения исчезает, полностью подчиняясь «природному» или, с учетом вышесказанного, «природному и негативно цивилизационному» началу. В самом деле, с 6-го двуступища «культурные» атрибуты проявляются только в назывании страны (которая тут же попадает в контекст второго члена оппозиции — *Россия — тишина; Россия — прах; Россия — страх*), а в последней строке страна теряет даже свое имя, окончательно совпадая со страшным миром холода, темноты, смерти или насилия. Отметим, что финал возвращает нас к первой строке и парадоксально ставит точку в воображаемом споре: в утверждении *Россия — свет*, по Иванову, верна только рема (с заменой *света* на *каторжный рассвет*), тогда как тема как таковая отсутствует (*названья в мире нет*).

Намеченное лишь пунктирно смысловое развитие стихотворения осложняется благодаря тонкой игре ед. и мн. ч. существительных, системе их удвоений и тонкой рифменной инструментровке (грамматический анализ поэтики не входит в задачи настоящей статьи), однако не менее важна и упоминательная клавиатура текста.

Мы полагаем, что рецептивным фоном стихотворения Иванова можно считать творчество Достоевского, значительность которого для определенного круга эмиграции подчеркивал Г. Адамович: «В глубине души, по складу своему (...) мы были людьми толка скорей „достоевского“, чем толстовского, воспринимая Толстого преимущественно как упрек».⁸

О важности для Иванова творчества Достоевского хорошо известно.⁹ В научных работах наибольшее внимание привлекал «Распад атома» (1938), который систематически сопоставлялся с «Записками из подполья»¹⁰ и другими произведениями великого романиста.¹¹ Диалог с Достоевским обнаруживается в «Третьем Риме», в статье «О новых русских людях» и в последних стихах «Дневника».¹² Получившая широкое распространение строка из стихотворения «Теперь, когда я сгнил и черви обглодали...» — «Мне исковеркал жизнь талант двойного зренья» — восходит, как показала Н. Ю. Грякалова, к метафоре «двойного зренья» у Л. Шестова, благодаря которой философ объяснял творчество Достоевского.¹³

Каким образом романы Достоевского отразились в *РСРС*? Думается, что «знаки» произведений романиста вводятся в стихотворение постепенно и усиливают смысловой потенциал базовой оппозиции текста. Сомнение в реальном существовании России и отрицание ее культурной истории, прежде всего — самого существования Петербурга, находит себе прямое соответствие в хрестоматийном признании Аркадия Долгорукого в «Подростке»: «В такое петербургское утро, гнилое, сырое

⁸ Адамович Г. Одиночество и свобода. М., 1996. С. 190.

⁹ См., например: Арьев А. Ю. Жизнь Георгия Иванова. Документальное повествование. СПб., 2009 (по указателю).

¹⁰ Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001. С. 439; Ельницкая Л. П. Исповедь антигероя («Записки из подполья» Ф. М. Достоевского и «Распад атома» Г. Иванова) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2007. Вып. 18. С. 227—240; Котельников В. А. «Записки из подполья» Ф. Достоевского и «Распад атома» Г. Иванова // Достоевский и русское зарубежье XX века. СПб., 2008. С. 116—125.

¹¹ Ранчин А. М. Свидригайлов, Ставрогин и поэтика извращения в «Распаде атома» Георгия Иванова // Ранчин А. М. Переключка Камен: Филологические этюды. М., 2013. С. 509—516.

¹² Лопачева К. М. «Бобок будет серьезный...» (Достоевский в художественном мире Георгия Иванова) // Русская литература. 2012. № 3. С. 191—204.

¹³ Грякалова Н. Ю. «Талант двойного зренья». Об одной визуальной метафоре у Георгия Иванова // Русская литература. 2009. № 4. С. 39—47.

и туманное, дикая мечта какого-нибудь пушкинского Германна из „Пиковой дамы“ (...), мне кажется, должна еще более укрепиться. Мне сто раз, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая греза: „А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подыметься с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?“ Одним словом, не могу выразить моих впечатлений, потому что все это фантазия, наконец, поэзия, а стало быть, вздор».¹⁴

В свете приведенной цитаты, отзывающейся в начале *PCPC*, дальнейшие строки текста можно воспринимать как эмигрантскую вариацию размышлений героя «Подростка». Поскольку ассоциация с Достоевским задается, по нашему предположению, с самого начала текста, — есть еще одно слово, которое может связываться с великим романистом. Речь идет о прилагательном *каторжный* (*рассвет*) в предпоследней строке. Это слово ассоциируется как с биографией Достоевского, так и с его произведениями — прежде всего, с «Записками из мертвого дома» и эпилогом «Преступления и наказания». Заметим, что указанная связь — второстепенная, она может возникать только при актуализации фрагмента «Подростка» (само прилагательное *каторжный* не обязательно ассоциируется именно с великим романистом).

Присутствие в рецептивном фоне *PCPC* «Подростка» наталкивает на мысль, что в стихах отразился еще один роман Достоевского. Базовая оппозиция стихотворения Иванова находит соответствие также и в рассуждениях капитана Лебядкина. В «Бесах» герой дважды произносит свою сентенцию, характеризующую страну. Впервые — в разгар скандала в доме Варвары Петровны, когда он пускается в философские рассуждения: «Я желал бы называться князем де Монбаром, а между тем я только Лебядкин, от лебедя, — почему это? Я поэт, сударыня, поэт в душе, и мог бы получать тысячу рублей от издателя, а между тем принужден жить в лохани, почему, почему? Сударыня! По-моему, Россия есть игра природы, не более!»¹⁵

Позже Лебядкин расширяет сентенцию, сообщая Николаю Ставрогину ее полную версию: «Россия есть игра природы, но не ума».¹⁶ Сентенция капитана отзывается в конце романа, когда Степан Верховенский решается отправиться в свое последнее странствие и во время разговора со встреченной Лизой придумывает очередную мотивировку своего поступка:

«— Степан Трофимович, слышали вы что-нибудь там про убитых людей... Это правда? Правда?

— Эти люди! Я видел зарево их деяний всю ночь. Они не могли кончить иначе... (Глаза его вновь засверкали.) Бегу из бреда, горячего сна, бегу искать Россию, *existe-t-elle la Russie? Bah, c'est vous, cher capitaine!*»¹⁷

Мысль Лебядкина о том, что Россия — «игра природы», перекликается с развитием основной смысловой линии стихотворения Иванова, а риторический вопрос Степана Трофимовича (*existe-t-elle la Russie?*) будто бы повторяется во второй строке — «А, может быть, России вовсе нет» (хотя знак вопроса в ней отсутствует).

Если направление нашей мысли верно, то несложно заметить, что в *PCPC* ряд лексем также могут ассоциироваться с «Бесами» (причем, как и в случае с «Подростком», сами по себе эти слова могут ассоциироваться с чем угодно, но в свете общей отсылки к Достоевскому связь становится более конкретной). Так, например, *веревка* и *пуля* связываются, соответственно, с самоубийством Ставрогина («Креп-

¹⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 13. С. 113. Примечательно, что это же хрестоматийное рассуждение отразилось в «Петербургских зимах» Г. Иванова (см. подробнее: Лопачева М. К. Указ. соч. С. 198—201).

¹⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 141.

¹⁶ Там же. С. 209.

¹⁷ Там же. С. 412; существует ли Россия? А, это вы, дорогой капитан! (*фр.*).

кий шелковый снурок, очевидно заранее припасенный и выбранный, на котором повесился Николай Всеволодович, был жирно намазлен»¹⁸) и убийством Шатова («Шатов вдруг прокричал кратким и отчаянным криком; но ему кричать не дали: Петр Степанович аккуратно и твердо наставил ему револьвер прямо в лоб, крепко в упор и — спустил курок»¹⁹). Добавим, что и *ночь* в «Бесах» играет существенную роль, становясь фоном роковых событий (ограбление иконы, пожары и убийства после праздника, убийство Шатова). Благодаря эпиграфу из пушкинских «Бесов» с их ночной семантикой именно *ночь* в романе Достоевского связывается с пугающими действиями революционного кружка, едва ли не становясь символом происходящего в России.

Учитывая возможные конкретные ассоциации с произведением Достоевского, заметим также, что страшный мир, конструируемый в *РСРС*, в целом близок атмосфере «Бесов». Связь стихотворения Иванова с романом, вероятно, подкрепляется и тем, что проблематика «Бесов» регулярно реактуализировалась в революционном 1917 году и позже, а сам роман воспринимался диаспорой как метафора революции (и ее последствий).

Рассмотрение «Бесов» как рецептивного фона *РСРС* не отвечает на напрашивающийся вопрос: почему в ряду элементов природного или негативного цивилизационного начала оказывается *музыка*? В самом деле, в романе Достоевского нет *музыки*, как нет в нем *полей* и *снегов*, столь важных для *РСРС*.

Вероятно, мы можем полагать, что эти образы мотивированы уже упомянутыми «Бесами» Пушкина (если допускать связь *РСРС* с романом Достоевского, то необходимо признать, что пушкинские стихи неизбежно просвечивают сквозь прозаический текст) с их сильнейшими визуальными и акустическими деталями: «Мчатся тучи, вьются тучи; / Невидимкою луна / Освещает снег летучий; / Мутно небо, ночь мутна. / Еду, еду в чистом поле; / Колокольчик дин-дин-дин... / Страшно, страшно поневоле / Среди неведомых равнин! (...) Вьюга злится, вьюга плачет; / Кони чуткие храпят; / Вот уж он далече скачет; / Лишь глаза во мгле горят; / Кони снова понеслись; / Колокольчик дин-дин-дин... / Вижу: духи собрались / Среди белеющих равнин. (...) Сколько их! куда их гонят? / Что так жалобно поют? / Домового ли хоронят, / Ведьму ль замуж выдают? (курсив наш. — П. У.)».²⁰

На аллюзии на Достоевского и Пушкина в *РСРС* накладываются аллюзии на творчество Блока. Это касается образов снега, вьюги, метели и др., весьма характерных для Блока, начиная с периода антитезы его эволюции (1904—1908).²¹ Прежде всего, они проявились в цикле «Снежная маска» (1907), однако в дальнейшем встречаются в его лирике вплоть до поэмы «Двенадцать» (в статье мы не будем специально рассматривать эти мотивы).

Однако именно обращение к блоковскому наследию позволяет объяснить, почему в стихотворении Иванова *музыка* оказывается проявлением природного или негативного цивилизационного начала.

В эмигрантский период творчества Иванова, музыка, по-видимому, напрямую ассоциировалась с творчеством Блока, о чем свидетельствует другое стихотворение 1930—1931 годов (также вошло в книгу «Отплытие на остров Цитеру»), в котором, правда, образ России кардинально отличается от образа страны в *РСРС*:

Это звон бубенцов издадека,
Это тройки широкий разбег,
Это черная музыка Блока
На сияющий падает снег.

¹⁸ Там же. С. 516.

¹⁹ Там же. С. 460.

²⁰ *Пушкин*. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1948. Т. 3. Кн. 1. С. 226—227.

²¹ О лирике этого периода см. подробнее: Минц З. Г. «Снежная маска» — «Фаина» — «Вольные мысли» // Минц З. Г. Лирика Александра Блока. СПб., 1999. С. 99—179.

...За пределами жизни и мира,
В пропастях ледяного эфира
Все равно не расстанусь с тобой!

И Россия, как белая лира,
Над засыпанной снегом судьбой.²²

Опуская объяснение этих стихов (см. тонкий комментарий Арьева к стихотворению), отметим, что Иванов здесь, в частности, развивает образы Блока из стихотворения «Я был смущенный и веселый...» (1906) из цикла «Фаина»:

Звезда, ушедшая от мира,
Ты над равниной — вдалеке...
Дрожит серебряная лира
В твоей протянутой руке...²³

Помимо переключки *лиры* и прилагательного к этому слову (с семантической близостью *белого* и *серебряного*), важно отметить и сходную поэтику описания России как возлюбленной (*никогда не расстанусь* у Иванова; многозначность образа Фаины, предполагающая в некоторых случаях отождествление героини с русским началом и Русью у Блока²⁴). В этом же стихотворении Блока музыка «обожгла и преобразила» лицо лирической героини.

Для нашего разворота темы важно, что понятие *блоковской музыки* у Иванова в данном случае связано с циклом «Фаина». Образ лирической героини этого цикла, в частности, непосредственно связан с мыслями Блока о народе и судьбе России. В первом стихотворении цикла — «Вот явилась. Заслонила...» (1906) появление героини аранжировано стихийными мотивами, среди которых важную роль играет музыкальная тема:

И под знойным снежным стоном
Расцвели черты твои.
Только тройка мчит со звоном
В снежно-белом забытьи.

Ты взмахнула бубенцами,
Увлекла меня в поля...²⁵

Бубенцы из цитируемого стихотворения, вероятно, отразились в первой строке стихов Иванова «Это звон бубенцов издадека...» (наблюдение не отменяет связи этой строки с романсом «Бубенцы» (1918) на слова А. Кусикова, что неоднократно отмечалось в комментариях), а их соседство с полями и снежными мотивами — в РСРС.

Похожее соединение мотивов мы видим и в драме Блока «Песня Судьбы» (опубл. 1909; переизд. 1919), о которой далее напишем подробнее, поскольку в ней мысли Блока о связи Фаины и Руси будут прямо утверждаться.²⁶ В финале

²² Иванов Г. В. Стихотворения. С. 272.

²³ Блок А. Собр. соч. Т. 2. С. 256.

²⁴ Минц З. Г. Указ. соч. С. 159.

²⁵ Блок А. Собр. соч. Т. 2. С. 254.

²⁶ Минц З. Г. Указ. соч. С. 159. Отметим, что бескрайние пространства, музыкальность и снежный пейзаж часто сопровождают и героиню «Снежной маски»; «Фаина», таким образом, во многом наследует предшествующему циклу, что отмечалось З. Г. Минц (Там же. С. 152—154). Вместе с тем, мы считаем важным сосредоточиться на «Песне Судьбы» потому, что в этом произведении наиболее отчетливо проводится отождествление Фаины и России. По всей вероятности, проблематика драматического произведения ретроспективно задавала более линейное прочтение лирических циклов. Если для Иванова в большей степени важна была лирика, а не драматургия Блока, в своем понимании «Снежной маски» и «Фаины» он мог во многом опираться на «Песню Судьбы».

блоковского произведения прощание Германа и Фаины неожиданно прерывается песней:

Фаина. Ты знаешь меня?
Герман. Не знаю.
Фаина. Ты найдешь меня?
Герман. Найду.

И внезапно, совсем вблизи, раздается победно-грустный напев, разносимый вьюгой:

Только знает ночь высокая,
Как поладили они...
Распрячься ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани...²⁷

Стоит отметить, что финальная седьмая картина «Песни Судьбы» разворачивается в зимних декорациях («Пустая равнина, занесенная снегом. Посредине — снежный холм. Ветер свистит и грозит метелью; сквозь ветер звенят как будто далекие, удалые бубенцы»²⁸), а на последних страницах драмы мотивы метели и мрака усиливаются. Герман встречает Коробейника, который готов довести героя «до ближнего места», в совершенном мраке и метели: «Последние слова Фаины разносит плачущая вьюга. Фаина убегает в метель и во мрак. Герман остается один под холмом. (...) Мрак почти полный. Только снег и ветер звенит. И вдруг, рядом с Германом, вырастает прохожий Коробейник».²⁹

В драме, таким образом, вьюга и ветер оказываются носителями *музыки*. Более того, заснеженные бескрайние пространства «Песни Судьбы», как кажется, напрямую перекликаются со строками из *РСРС*: «И нет ни Петербурга, ни Кремля — / Одни снега, снега, поля, поля... / Снега, снега, снега... А ночь долга, / И не растают никогда снега».

«Песня Судьбы», как известно, напрямую связана с рассуждениями Блока о народе.³⁰ Не случайно один из современников поэта писал: «Третье действие — кульминационный пункт „Песни судьбы“. Оно изображает встречу Германа и Фаины как встречу России и воина».³¹

В 1909 году (когда драма была впервые опубликована) финал «Песни Судьбы», по-видимому, прочитывался современниками и автором как оптимистический: интеллигенция и народ еще смогут найти друг друга и встреча Германа и Коробейника (как и песня из ушедшего в фольклор фрагмента поэмы Некрасова) символизировала движение к новому трудному объединению.

В 1919 году Блок выпустил новую редакцию драмы, и в контексте произошедших исторических событий текст обрел новый смысл. Принципиально открытый финал «Песни Судьбы» мог трактоваться уже не как обещание светлого будущего, а встреча Германа с Коробейником могла проецироваться на поэму Некрасова, в которой коробейники, оказавшись в незнакомой местности, встречают человека, готового их проводить, но вместо того чтобы исполнить свое обещание, он убивает путешественников.³² В таком контексте и «победно-грустный напев, разносимый вьюгой», и звенящие сквозь ветер «как будто далекие, удалые бубенцы», и «плачу-

²⁷ Блок А. Собр. соч. Т. 4. С. 165.

²⁸ Там же. С. 159.

²⁹ Там же. С. 166.

³⁰ В рассуждениях о драме мы далее опираемся на следующие работы: Волков И. Александр Блок и театр. М., 1926. С. 86—95; Родина Т. М. Александр Блок и русский театр начала XX века. М., 1972. С. 172—192; Федоров А. В. Ал. Блок — драматург. Л., 1980. С. 115—132; Грозов П. П. Поэтический театр Александра Блока // Блок А. Театр. Л., 1981. С. 35—44.

³¹ Волков Н. Указ. соч. С. 91.

³² См. подробнее: Успенский П. Ф. Тайные поминки по Блоку: Некрасов, Блок, Ходасевич // Русская литература. 2013. № 1. С. 173—176.

щая вьюга» обретают трагические коннотации и, оставаясь составляющими природного начала, становятся символами драматического и непреодолимого положения дел.

«Музыка, сводящая с ума», как часть природного начала в интересующем нас стихотворении Иванова восходит и к «Бесам» Пушкина, и к ряду литературных произведений Блока. Вместе с тем, в строке о «музыке» проявляются и ассоциации с публицистикой Блока, о которых писали Г. И. Мосешвили и А. Ю. Арьев.

В самом деле, в *РСРС* полемические переосмысливается основной пафос статьи Блока «Интеллигенция и революция» (1918).³³

Примечательно, что уже в начале статьи Блок апеллирует к классической литературе и, в частности, упоминает Достоевского: «„Россия гибнет“, „России больше нет“, „вечная память России“ — слышу я вокруг себя. Но передо мной — Россия: та, которую видели в устрашающих и пророческих снах наши великие писатели; тот Петербург, который видел Достоевский; та Россия, которую Гоголь назвал несущейся тройкой».³⁴

Думается, приведенная цитата позволяет прийти к выводу, что в рассматриваемом стихотворении Г. Иванов сознательно апеллирует к той же литературной традиции, что и Блок, однако он приходит совершенно к противоположным выводам. Более того, полемическое переосмысление некоторых блоковских положений («музыка») происходит за счет обращения Иванова к творческому наследию самого Блока.

Так или иначе, *РСРС* — это стихотворение, моделирующее эмигрантское представление о России. Как мы старались показать, в этом представлении значительную роль играет творчество Достоевского.

³³ Об исторических контекстах статьи см. недавнюю работу: *Иванова Е. В.* Полемический подтекст статьи «Интеллигенция и революция» // *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб., 2012. С. 126—140 (там же указание литературы, посвященной статье Блока). См. также: *Максимов Д. Е.* Критическая проза Блока // *Максимов Д. Е.* Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975. С. 176—496 (особенно главы: «Тема народа и интеллигенции» и «После Октября»).

³⁴ *Блок А.* Собр. соч. Т. 6. С. 9.

© М. Ю. Михеев

ДЕЛО О «ПЛАГИАТЕ»: ПЬЕСА АЛЕКСАНДРА ГЛАДКОВА О КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦЕ*

Гладков и Погодин — «Жестокий романс»

1960-е годы. В стране — *оттепель*. Александр Константинович Гладков полон множеством планов. Раньше, в конце войны, он — успешный драматург, запоем писавший пьесы, одну за другой... Вот из его тогдашнего письма брату (17 января 1945 года): «Сейчас у меня в доках стоит три корабля и я еще не решил, какой из них спускать на воду... <...> это современная романтическая комедия „Путешествие с музыкой“ — продолжение линии „Давным-давно“; вторая — „Московская“ пьеса под названием „Москва. Арбат“ (начерно готова) и пьеса под условным названием „Сороковые годы“, о наших днях...».¹

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00402а.

¹ *Гладков А. К.* Письма брату Льву Константиновичу Гладкову // РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. № 151. Л. 3—3 об. (письмо № 18).

Учредители:

Российская академия наук

Отделение историко-филологических наук РАН
119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинский пр., 32а
Телефон: (495) 938-17-63, факс: (495) 938-17-64
oifn@mail.ru; www.hist-phil.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон: (812) 328-19-01, факс: (812) 328-11-40
irliran@mail.ru; www.pushkinskijdom.ru

Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации
Российской Федерации

Регистрационный номер 0110194 от 4 февраля 1993 г.

Издатель: ФГУП «Академиздатцентр «Наука»,
ОП «Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru; www.naukaspb.com

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон/факс: (812) 328-16-01; rusliter@mail.ru; www.pushkinskijdom.ru

Зав. редакцией *И. Ф. Данилова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Корректоры *Н. И. Журавлева, Л. Д. Колосова,*
А. К. Рудзик и М. Н. Сенина
Компьютерная верстка *Т. Н. Поповой*

Подписано к печати 15.02.16. Дата выхода в свет 29.02.16.
Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21.5.
Уч.-изд. л. 26.6. Тираж 250 экз. (в т. ч. МКО и СНГ — 13 экз.).
Тип. зак. № 1265. Цена свободная

Отпечатано в типографии: ФГУП «Академиздатцентр «Наука»,
ОП «Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12